

И ЭТО МЕНЯ УСТРАИВАЕТ»

— У меня их двое. Александр сейчас 31 год. Он окончил Магнитогорский технический университет. У него небольшой бизнес. Их всего пять или шесть единомышленников. Они пытаются применять новые технологии в освещении. Анне 22 года. Она учится на последнем курсе МГУ на специальности «политология».

— Вы сориентировали её на эту специальность?

— Не совсем так. Она чистый гуманитарий. А там глубоко погружение в язык, в страну, на которой они пытаются специализироваться. Что из этого будет — мне сложно пока сказать. Это её выбор. Если я что-то советовал, то не сферу, а уровень выставляемой себе планки. Она хотела задачу решить проще. Пойти, к примеру, в педагогический университет, получить диплом. А я ей предложил посвятить время и усилия другой, более амбициозной цели.

— У вас есть какой-то фирменный рецепт воспитания детей?

— Существует теория, что детей лучше воспитывать собственным примером. Но надо хотя бы, чтобы этот пример был на виду. А тут получается, что отец есть, но он всё время на работе. Сейчас хоть можно по телевизору его посмотреть. (Смеется). Поэтому детьми, конечно, больше занималась супруга Вера Геннадьевна.

— Как родные отреагировали на вашу новую должность?

— Анна сказала: «Наверное, ты знаешь, зачем тебе это надо. Я верю, у тебя получится». Не думаю, что домашние сильно обрадовались этой новости. Всем понятно, что теперь меня для них будет ещё меньше. Если в Магнитогорске ещё как-то общались, то в Челябинске будет сложнее.

Лыжню!

— И вы ещё не перевезли семью в Челябинск?

— А куда перевозить? Всё впереди.

— Вы сейчас живёте в резиденции губернатора?

— Да, живу в резиденции.

— Прекрасное место, в городском бору. Многие считают наш бор самым ценным, что есть в Челябинске.

— Я оценил, между прочим! Говорю своим подчинённым: слушайте, какой бор прекрасный, столько людей гуляет. Я бы тоже, наверное, гулял, если бы там была лыжня. Утречком встал — и на лыжи. Но лыжня должна быть освещена, сейчас же поздно светает, рано темнеет. Меня выслушали и сделали лыжню... внутри резиденции, за забором, в гетто моём! Это к вопросу о галстуках, о счастье, и о том, что команда ещё не сформировалась. А мне-то и в голову не пришло, что нужно уточнить, где сделать лыжню.

Есть популярное место в Магнитке — Экологический парк. Зимой лыжня, летом ролики, бег. Вечерами дорожка освещена, там безопасно, комфортно. Очень популярное место! Хотя даже близко по

масштабу и качеству лесного массива не стоит с Челябинским бором. Бор просто роскошный. Думаю, идею освещённой лыжной трассы поддержали бы все горожане.

Тест Дубровского

— Борис Александрович, вы ведь, как и Путин, занимались дзюдо?

— Да, был такой период. — Правда, что вы можете сто раз подтянуться на перекладине?

— Неправда. Я подтягивался где-то пятьдесят с лишним раз и дальше останавливался, потому что бессмысленно было. В ту пору для меня это не было силовым упражнением. У меня была какая-то дурная «физика». Был очень «сухой», килограммов на десять меньше, чем сейчас. И очень выносливый. У меня был такой тест. Сейчас я его уже не сделал. За пять минут пять раз отжимался по сто.

— То есть в общей сложности 500 раз?!

— Да. Я отжимался классическим способом сто раз за 45 секунд. 15 секунд отдыхал, снова падал, в следующие 45 секунд еще 100 раз и так далее.

— Сколько вам тогда было?

— 22 или 23 года. Я поздно пришел в дзюдо, после армии. Им надо с детства заниматься, ставить технику, растягиваться. А я уже был зажат. Тем не менее очень старался. Каждый день тренировался по два-три часа, по выходным у нас было по две тренировки в день.

— Хотели стать олимпийским чемпионом?

— А я не умею что-то делать реально достичь какого-то результата. Но, увы, проявить себя на татами мне не удалось из-за травм.

«У меня — красный диплом»

— Одно время вам удавалось совмещать работу, занятия спортом и учёбу в вузе...

— Я пошёл учиться в институт в 26 лет, потому что упёрся в потолок. Я уже стал бригадиром. Справлялся неплохо. Получал хорошие деньги. Была своя семья. А дальше что? Очевидно, чтобы делать нормальную карьеру, развиваться, нужно было высшее образование. А у меня было только 10 классов за плечами.

Учился на вечернем отделении. Шесть лет, четыре раза в неделю по две пары. Часто после ночной смены. Знаю, что сейчас иронизируют по поводу вечернего отделения. Но тогда ещё всё было по-другому. И это было самое счастливое время. С каким удовольствием я учился! Даже сам не ожидал. Я вдруг понял, что не доучился. Школу я закончил неплохо. Наша школа была с математическим уклоном. Математика,

физика, химия — это то, что мне всегда легко давалось. Читать, анализировать, находить какие-то взаимосвязи — на это у меня голова хорошо настроена. Хотя прошло немало времени после окончания школы, я довольно быстро восстановил знания. Помню, на подготовительном преподаватель сказала мне: «Борис, из вас получится хороший инженер». Сдал экзамены, получил все пятёрки, кроме сочинения: там две четвёрки — за содержание и грамотность. Я, честно говоря, не очень хорошо излагаю мысли...

— Вы скромничаете, Борис Александрович...

— Я человек очень практичный, никогда не делаю что-то, если не понимаю, зачем. А здесь я понял, для чего учусь. Знал, зачем эту математику, физику с химией учу. Понимал, как могу потом применить свои знания. Спросят все не любят, а для меня это была чистая радость. У меня все списывали.

Многие экзамены сдавал автоматически. По некоторым дисциплинам участвовал в олимпиадах вместе с «двевникамими». У меня — красный диплом. По окончании мне предлагали остаться на трёх кафедрах. Но меня ждал комбинат.

— А чем вы себя мотивировали, ведь в институте вам было комфортно?

— Раз я пошёл работать на комбинат, значит, мне нужно было стать генеральным директором. И после учёбы это убеждение только окрепло.

— А теперь вы и. о. губернатора...

— И я должен быть лучшим губернатором. Лучшим для людей губернатором.

— А когда вы поняли, что должны быть лучшим губернатором?

— Когда мне предложили. — Это же случилось не 15 января, а раньше?

— За неделю, не больше. Никаких подготовительных планов у меня не было.

Людей надо слышать

— Власть в России персонафицирована. Народ как рассуждает: завалил снегом — виноват губернатор. Согласны?

— Когда власть на себя всё замыкает, она должна ожидать, что люди будут спрашивать и за снег, и за всё остальное. Это феномен, кстати, не только российский. Он ярко проявился, например, в Японии, когда рвануло на Фукусиме: «Вы власть, вы отвечаете за нас». И я буду отвечать за небуранный снег на тротуарах. Это же наше: «Вот приедет барин — барин нас рассудит. Барин сам увидит, что плохо избушка. И велит дать лесу», — думает старушка». Я понимаю это.

Кстати, если этот снег будет вовремя убран, никто мне спасибо не скажет. Наверное,

это нормально, поскольку так и должно быть. Зачем благодарить за норму? Я не ожидаю, что меня будут благодарить. Лидер — это не тот, кто первым откусывает от мамонта. Вот точно не так в моём понимании. Если ты этого не понимаешь, то завтра тебе не с кем будет за мамонтом идти. Другой вопрос, как сделать так, чтобы не говорили, что Дубровский плохо снег убирает. Это всё к первому нашему вопросу — надо иметь команду.

— Усложним условия задачи. Иногда политикам приходится принимать непопулярные решения. Вас будут критиковать. Мы знаем, что и президента хорошо прикладывают в Интернете. Более того, иногда критика будет несправедливой. Это та ситуация, которой на ММК практически не могло быть. Вы готовы к этому?

— Ну почему критика будет несправедливой-то?

— Потому что народ бывает и несправедлив. А есть, допустим, хронический для нашего региона экологический вопрос. Тут еще сложнее. С советских времён заводских выбросов стало меньше, но людей эта тема волнует больше. Потому что запросы изменились, люди хотят большего...

— В любом случае не слышать, отгородиться, не обращать внимание на критику — это слабая позиция. На критику надо реагировать. Надо быть в постоянном диалоге с людьми. Людей надо слышать. И объяснять свою позицию. Почему мы туда идём, почему мы так делаем, что будет дальше.

Вы сказали, что раньше выбросов было гораздо больше. Я хорошо это знаю. Никто не радовался в Магнитке, когда снег уже падал чёрным. Сейчас совсем другая ситуация. И всё равно все говорят: надо, чтобы было лучше. Если мы сможем показать динамику, это уже ответ. Экология — очень болезненный вопрос. Очевидно, что надо двигаться к тому, чтобы выбросов становилось все меньше. Такая задача есть и она может быть реализована новыми технологиями, лучшими практиками. Но это процесс, его надо пройти.

Я скажу, может быть, неожиданную вещь. Экологический вопрос на самом деле простой. Здесь понятно, куда двигаться и что нужно делать. Есть более сложные темы.

Популизм и справедливость

— Например?

— На минувшей неделе я встречался с депутатами Законодательного собрания области. Обсуждался вопрос компенсации за жилищно-коммунальные услуги сельским учителям, педагогам, специалистам. Очень болезненная тема. Речь идёт о частичной отмене льгот. Вот на этот вопрос гораздо сложнее ответить. Потому что люди реально потеряют. И убедить человека в правильности того,

что вчера он получал компенсацию, а завтра не будет, почти невозможно. Никогда человек не будет доволен такой мерой.

— А почему нужно эти компенсации отменять?

— Мы пытаемся жить по средствам. Брать кредиты у коммерческих банков на выплату пособий — путь в никуда. Когда решение о компенсации принималось, зарплата у тех же педагогов была очень низкой. И сейчас-то невысокая, но благодаря решениям правительства и властей региона положение выправляется. Его уже нельзя назвать критическим. Сегодня, какой бы счёт за коммунальные услуги человек ни принес, мы обязаны ему заплатить. Даже если электричеством отапливается большой дом и в нём открыты настежь все окна.

Я думаю, мы должны рассуждать в категориях «справедливо» или «несправедливо». Вот это депутаты обсуждать не захотели, а ударились в популизм: отменять нельзя. Но, скажите, почему мы дотируем эту группу людей и почему не обращаем внимания на тех, кто живет в соседнем доме? Почему мы считаем, что эти люди для нас менее важны? Они что — изгой? Мы же видим, что существует очевидная несправедливость. И почему некоторых депутатов это не беспокоит, меня удивило и, признаюсь, задело. Вот они говорят: «Вы забираете у людей».

— Как будто раскулачиваете...

— Звучит так, как будто пришли «пацаны» в кожаных куртках и позабирали всё. А ведь это совсем не так, совсем! Мы на эти деньги вертолёт купили, что ли? Мы собираем налоги и должны их справедливо распределить. Справедливо! Возвращаясь к теме социального справедливого государства, это задача власти. А когда мы занимаемся популизмом... Конечно, очень просто помочь одному ребёнку-инвалиду. А вот как сделать так, чтобы работала система, которая поможет всем больным детям?

— Я даже сбился со счёта, сколько раз вы уже произнесли слово «справедливо»...

— Нам надо формулировать справедливые решения. Тогда общество будет их принимать. Люди должны понимать, почему мы это сделали.

— У нас же есть общественные институты, они могут быть задействованы в таком диалоге.

— Они есть? Тогда давайте это обсудим до того, как выносить решение. Давайте сядем с лидерами общественного мнения, с ветеранами.

— Это опять же вопрос эффективности механизмов обратной связи.

— Не знаю, вот меня сводили к общественникам. Пока я над этим размышляю.

— Ещё есть общественная палата, правда, неясно, как она работает...

— Если не работает, то надо

менять. А почему она не работает? Может, потому что никому не нужна информация от социума? Для каких целей общественная палата используется? Если я здесь сижу и хочу слышать только то, что хочу слышать: ну, конечно, она такая и будет. Так можно до майдана досидеться.

Вертолёт, хоккей и счастье

— Борис Александрович, у меня осталось несколько разрозненных вопросов, которые посоветовали мне задать наши читатели. Часто спрашивают: вертолёт, который купил ваш предшественник, продадите?

— Я поставил такую задачу. Посмотрим, как она может быть реализована. Сейчас балансовая стоимость очень высокая, думаю, по такой цене мы пока не сможем его продать.

— Какая ваша главная черта?

— Целеустремленность и работоспособность.

— Верите в гороскопы?

— Скорее, нет. Но, думаю, мысль материальна. Верю в тонкие материи. Они по-разному могут быть оформлены. Я верю в Бога. Однажды понял, что ТАМ заложено то, что нам не удалось сделать здесь, на земле. И не удастся никогда. Некое идеальное мироустройство, когда человек человеку брат, а не волк.

— Вы сейчас обязаны болеть за обе наши хоккейные команды. А когда на площадке сойдутся «Трактор» и «Металлург»?

— Я не очень азартный болельщик. Может, это будет обидно звучать для магнитогорцев, я люблю нашу команду, но я, правда, никогда не был слишком активным болельщиком. Я действительно буду радоваться победам и той, и другой команды. Для меня идеальная картинка была бы такая: мы в финале Кубка Гагарина. Мы — это «Металлург» и «Трактор».

— Что вас радует и что огорчает?

— Радуют и огорчают меня поступки людей. Предательство огорчает. Хотя, слава богу, меня давно никто не огорчал. Радует, когда я вижу, как человек раскрывается в работе, и я понимаю, что не ошибся в нём. Радует, когда я вижу просто красивого человека. Вообще, какие-то проявления человеческого, глядя на которые можно понять, что у нас, у людей, вообще есть перспектива.

Почему-то сейчас вспомнил один эпизод, который меня тронул. Где-то по Москве еду. Пробки, слякоть, сумерки. Тяжёлый день. Тяжёлое настроение. И — идёт пара по тротуару. Девушка и парень. И такие они счастливые! Я думаю: «Боже мой! Чего ты погрузился в эту хандру! Ведь вот она — жизнь! Люди идут и счастливы просто потому, что держат друг друга за руку. И им кажется, что вся жизнь впереди и что она будет самой счастливой...»